

Дебора Турбевилль. Моя русская душа.
Исследование русского культурного кода

2/06/2026 ФЕСТИВАЛЬ КУЛЬТУРЫ ПМЭФ
«ПЕТЕРБУРГСКИЕ СЕЗОНЫ»

7
KODAK 5054 TMZ

2
KODAK 5054 TMZ

3
KODAK 5054 TMZ

4
KODAK 5054 TMZ

5
KODAK 5054 TMZ

6
KODAK 5054 TMZ

7
KODAK 5054 TMZ

8
KODAK 5054 TMZ

10
KODAK 5054 TMZ

11
KODAK 5054 TMZ

12
KODAK 5054 TMZ

13
KODAK 5054 TMZ

3
KODAK 5054 TMZ

15
KODAK 5054 TMZ

16
KODAK 5054 TMZ

17
KODAK 5054 TMZ

18
KODAK 5054 TMZ

2
KODAK 5054 TMZ

19
KODAK 5054 TMZ

20
KODAK 5054 TMZ

22
KODAK 5054 TMZ

23
KODAK 5054 TMZ

24
KODAK 5054 TMZ

21
KODAK 5054 TMZ

5
KODAK 5054 TMZ

26
KODAK 5054 TMZ

27
KODAK 5054 TMZ

28
KODAK 5054 TMZ

29
KODAK 5054 TMZ

30
KODAK 5054 TMZ

my Russian
~~SALT~~ SOUP

ДЕБОРА ТУРБЕВИЛЛЬ
МОЯ РУССКАЯ ДУША¹

Впервые я повстречала свою русскую душу в двенадцать лет на небольшом курорте на побережье штата Мэн. Летом весь город словно распухал: тропинки вдоль скал были облеплены туристами, пожилые пары цеплялись за перила крутых лестниц, ведущих к галечным пляжам, и няни внимательно приглядывали за своими подопечными во время августовских отливов.

Воздух наполнялся предупреждающими свистками спасателей, и веранды проседали под тяжестью кресел-качалок.

Зимой становилось пустынно и пронизывающе холодно, и лишь изредка появлялись призрачные фигуры. Гостиницы сети «Белый слон» стояли заколочены.

Местная библиотека, построенная из грубых валунов, выглядела словно миниатюрная крепость и была полна книг, которых никто не читал.

«Почитайте вот эту. Никто, похоже, не берет». Книга меня потрясла — «Идиот» Достоевского...

Дама-библиотекарь держалась особняком. У нее был пышный белый парик, криво сидящий на голове, и она всегда носила один и тот же мужской костюм с брошью-камеей...

Никто не понимал моих родителей. Они были странными. Позже я поняла, что у них было то, чего не было у других. У них был стиль. Меня водили на балет (зимой мы жили в Бостоне) или в кино на какой-нибудь странный фильм (им нравился Орсон Уэллс), или же, после театра, в немецкий ресторан Джейкоба Вирта с опилками на полу, где подавали жаренные колбаски с кислой капустой.

Было что-то загадочное в этом месте: официанты пританцовывали вокруг столов в длинных фартуках с большими кружками пива.

Но что-то случилось после того, как я закончила читать ту книгу, что-то уже никогда не будет прежним.

Я лишилась иллюзий. Я знала, что никогда не встречу таких людей. Они были возможны только внутри этой книги (или похожей). Что это были за персонажи! С этими странными лицами. Пронзительными глазами. И даже их длинными именами через дефис. Представьте, что вас на одном дыхании называют Настасьей Филипповной (в России вы при рождении автоматически наследуете имя отца, как второе имя. У них это называется «отчество»). И никто из этих персонажей не был «красивым», или просто «привлекательным», или «некрасивым» (а если уж был некрасивым, то гротескным). Присутствие каждого из них было таким вызывающим,

¹ Оригинал рукописи на английском языке (16 с.), датируется 2000 г. Публикуется впервые, по автографу из собрания семьи Ермолаевых. Перевод Татьяны и Николая Ермолаевых.

страстным. По крайней мере, на улицах, вокруг себя, я таких до тех пор не встречала.

Я искала их среди прохожих. Но никого не нашла. Я протянула своей матери «Идиота». «Прочти это, — сказала я, — тебе понравится, как она заканчивается».

Она вернула книгу без каких-либо комментариев. Ну, хотя бы еще один человек прочитал. Вот так я и начала собирать свою коллекцию Русских душ.

В каком же порядке я должна их расставить? Эти разрозненные фрагменты, собранные по крупницам год за годом, словно набитый до отказа сундук. Страницы из книг. Строчки стихов. Кадры из кинофильмов. Фотографии, голоса, их невозможный, чувственный язык, пышность и диссонансы их музыки, церковные литургии, скрип шагов, людей, что молча бредут по глубокому снегу в ночи...

Вот кадр из фильма Андрея Тарковского «Андрей Рублев» (по мотивам жизни иконописца XIV века). Девушка-юродивая трогает волосы мертвой женщины после набега татар на монастырь. Обрывки кинохроники с уже обреченной балериной Ольгой Спесивцевой в образе Жизели на сцене Мариинского театра в 1917 году. Спустя годы ей суждено было сойти с ума, исполняя ту же роль, пророчески идя по стопам своей героини.

Страница «Преступления и наказания».

Раскольников. Покаяние, раскаяние в своем ужасном преступлении. Вот он встает на колени, кланяется до самой земли, целует эту землю там, посреди Сенного рынка в Санкт-Петербурге. И опять «Идиот» Достоевского. Зловещее описание Рогожина (любownika Настасьи и ее же убийцы), всю ночь он проводит в ее квартире вместе с князем Мышкиным.

Или из биографии Дягилева. Его образ в белом галстуке и во фраке (всегда с бутоньеркой из свежих фиалок): вот он рассказывает взад и вперед за кулисами театра Шатле в Париже во время премьеры «Весны священной» Стравинского.

Или партитура Шостаковича к фильму «Король Лир».

«Собачье сердце» Михаила Булгакова — фильм, снятый по этому роману: Советская Россия 1920-х годов; профессор, творящий эксперимент по пересадке бездомной собаке человеческих семенников и гипофиза в надежде на создание Нового русского человека. Шедевр.

Вот плакат к опере Дмитрия Шостаковича по мотивам гоголевского «Носа», которая шла в Малом театре в конце 1930-х и впоследствии была запрещена правительством².

² Неточность автора: премьера оперы Д. Шостаковича «Нос» по повести Н. Гоголя состоялась 30 сентября 1930 г. в ленинградском Малом оперном театре; постановка была показана шестнадцать раз и затем запрещена — заклеенная как «вредный формализм» и «патологическое извращение».

Диск с голосом Анны Ахматовой, читающей свою эпическую «Поэму без героя», которая была также запрещена.

А вот моя ранняя фотография, сделанная для британского журнала Nova. 1973 год. Две украинские девушки-сестры — Мирослава и Оксана. Съемка модной коллекции, вдохновленной балетом Дягилева. Эти снимки — первое воплощение моей Русской души.

И вот, в 1995 году, я наконец очутилась в Санкт-Петербурге. Я убедила известного бостонского издателя рискнуть и сделать книгу, получившую название «Студия Санкт-Петербург».

Это могло быть приключением для меня и риском для издательства, потому что я не была точно уверена, что именно найду здесь, будут ли здешние люди похожи на те образы, которые я себе представляла. И места, как они по-настоящему выглядят, архитектура. Будут ли мои ожидания, мои впечатления снова окончательно разбиты, как это часто случалось раньше.

Но я жаждала найти все эти бесчисленные места, некоторые из них в конечном итоге становились моей мастерской. Особенно заброшенные дворцы. Строгановский, Шереметевский с анфиладами залов, наполненных остатками былой роскоши. Именно в Шереметевском Анна Ахматова снимала крохотную комнатку во флигеле в течение тридцати лет³.

В те послеперестроечные дни плохо топили, и я помню, как в декабрьское воскресенье сидела закутанная в пальто, а директор музея Татьяна заваривала нам чай в своем кабинете.

Парки Павловска, где скелеты каштанов стояли по стойке смирно, словно охранники деревянных ящиков, в которые запечатывали статуи на долгие зимние месяцы...

Помещение за кулисами в Мариинском театре (где хранились декорации)...

Заброшенный Гостинный двор, танцоры из Михайловского театра исполняют сцену из «Ромео и Джульетты» во время белых ночей.

И сумрак Александров-Невской лавры, куда я приводила в течение того лета многих своих героев, когда на улицах было слишком светло для передачи настроения моих фотографий.

Здесь я снимала актеров, танцоров балета, швейцара отеля, художников, бывшего агента КГБ, который стал поваром.

И даже девятистолетнюю монахиню, которая проделала огромный путь сюда от своего монастыря, чтобы собрать деньги на его ремонт (милостыней).

Там была часовня (по иронии судьбы совсем рядом с могилой Достоевского), которая мне особенно нравилась. Однажды мы приехали

³ Ахматова прожила в коммунальной квартире № 44 (южный флигель Шереметевского дворца) с 1926 по 1952 гг., сначала как жена Н. Н. Пунина, а затем делая быт с его семьей.

туда работать и обнаружили группу из нескольких дам преклонного возраста (по-русски их называют «бабушки»). Они сидели за столом, накрытым для чаепития, с разной выпечкой (конечно же, с самоваром в центре). На алтаре стояли фотографии царя Николая II и его семьи в окружении свечей и лампад.

«Вы не присоединитесь к нам? – спросили бабушки, – мы друзья Николая и Александры, мы встречаемся два раза в неделю».

Улица Пушкинская, дом 10.

Однажды, во время моего первого визита в Петербург, я встретила молодую женщину с вьющимися, окрашенными хной волосами. Мы спросили разрешения сделать ее портрет (она была необычно одета... в своем платье она напоминала монашенку... длинное черное пальто до земли).

Мы разговаривали прямо напротив рынка и, когда женщина поняла суть моего проекта, она пригласила нас к себе домой, который был совсем недалеко... Оказалось, что ее зовут Ольга Рострота. Позже я много раз фотографировала ее вместе с мужем Керимом для книги (ее лицо стало обложкой книги «Студия Санкт-Петербург»⁴). Вероятно, тогда они напомнили мне поэтов Серебряного века в Петербурге до революции, людей, которые часто бывали в кафе «Бродячая собака». Многие были художниками.

Место, куда эта женщина меня привела, называлось «Пушкинская, 10», это было пристанище для художников и писателей. Здание было построено до 1910 года, вероятно, для апартаментов класса люкс. Планировка представляла из себя лабиринт из смежных, соединенных между собой комнат. Здесь никто и никогда не жаловался на гнилые половицы, отсутствие отопления (многие окна были разбиты) или рассыпающиеся в прах лестницы. Цена была подходящей: ноль рублей ноль копеек. Комнаты неожиданно начинались и внезапно заканчивались. Здесь царило ощущение полного беспорядка. И еще там пахло, поскольку в своей работе художники использовали крайне сомнительные химические вещества, – и тебя не покидала мысль о том, что одна случайная спичка могла бы сжечь все дотла.

Тем не менее это место существовало в полной гармонии со многими своими обитателями, каждый из которых вполне мог бы жить (и дышать) в атмосфере любого из романов Достоевского (не говоря уже о Гоголе).

По субботам многие художники открывали двери мастерских, чтобы показать всем желающим свои последние работы. Все это всегда было полно импровизаций и экспериментов. Люди съезжались сюда со всего города (некоторые даже из пригородов и других городов), влекомые

⁴ Печь идет об альбоме Деборы Типбевилль Studio St. Petersburg (Boston, 1997).

удивительными обитателями и атмосферой этого места. Приехать и остановиться здесь в выходные было самым важным событием. Принимая во внимание постояльцев и атмосферу, никогда не узнаешь заранее, что тебя ждет в этот раз, что тебе предстоит увидеть и, кстати, здесь начинали некоторые из величайших современных художников России.

Этнографический музей.

Большой мраморный зал. Каждый год здесь проводились выставки и мастер-классы, здесь же я читала лекции на тему своих работ. Слушателей всегда было много, лекции были бесплатными.

Вы встретите одни и те же лица на подобных мероприятиях по всему городу, но среди них были и некоторые, которые прошли по краю, которые я всегда искала. Бедно одетые, но с неким всегда определенным, скрытым стилем. Это были исторические лица, запечатлевшие трагические времена. «Блокадники» — так называют тех, кто выжил в ленинградской блокаде во Второй мировой войне.

Однажды один такой человек подошел ко мне и спросил таинственным шепотом:

— Скажите, какое место из тех, где вы снимали, вас больше всего вдохновило? Я когда-то тоже был фотографом.

— Россия, — решительно ответила я, тоже шепотом.

*Фрагмент эссе Деборы Турбевиль
из книги Татьяны Ермолаевой
«Дебора Турбевиль. Моя русская душа»*

Книга «Дебора Турбевилль. Моя русская душа».
Татьяна Ермолаева
Издательство DA,
выход осень 2026 год

Выставка «Дебора Турбевилль. Моя русская душа»
По предварительной договоренности
особняк Брусницыных
2027 год

Патроны проекта «Дебора Турбевиль. Моя русская душа»

ONA PROJECT

Пространство, где искусство становится языком смысла, красоты и культурного диалога. Проект объединяет художников, коллекционеров и бизнес, формируя новую роль искусства в современном мире.

WAVES ADVENTURE

Разделяет философию ONA PROJECT, создавая не просто путешествия, а уникальные маршруты с особым вниманием к деталям, конфиденциальности и эстетике. Этот союз — про качество, глубину и исключительный опыт в искусстве и в жизни.

ГАЛЕРЕЯ TETA

Независимое пространство на пересечении современного искусства, дизайна и архитектуры, сформировавшее за время работы концепцию «позитивного искусства».

Архитектурное бюро
LUDI_ARCHITECTS

Междисциплинарное архитектурное бюро из Санкт-Петербурга, основанное в 2004 году. Специализируется на архитектурном проектировании, реновации объектов культурного наследия, благоустройстве городских территорий и создании общественных пространств в России и за её пределами.

Партнер проекта «Дебора Турбевиль. Моя русская душа»

СТУДИЯ «ФАЛЬЦ»

Работа со смыслами, создание книг и визуальных коммуникаций. Принцип студии — работа через исследование, которое становится отправной точкой для создания любого вида продуктов: от газет и книг к брендингам и мерчу. Метод работы складывается из сочетания академической экспертизы и актуальных практик современного искусства.

Патроны издательства DA

KLOTO

Агентство бизнес-консалтинга в сфере моды, красоты и велнеса. Работая над траекториями развития брендов, агентство смотрит на моду и красоту не только как индустрию, но и как часть культурного ландшафта, где эстетика, смыслы и метрики неотделимы друг от друга.

АЛЕКСЕЙ НЕЙМЫШЕВ

Основатель фонда искусства и культуры «Александр» и компании NEUMAXX multimedia.

SPIEF'26 ПМЭФ'26
ROSCONGRESS
Building Trust

ПЕТЕРБУРГСКИЕ
сезоны

Waves

ludi_architects

kloto

ФОНД АЛЕКСАНДР
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

NEUMAXX

TETA

ФАЛЬЦ

